

ВЫДАЮЩИЙСЯ РУССКИЙ КОМПОЗИТОР

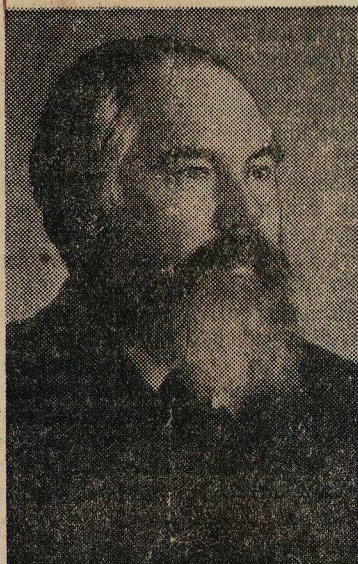
(К 100-летию со дня рождения С. И. Танеева)

Ученик Чайковского, учитель таких великанов музыкальной мысли, как Скрябин, Рахманинов и Глиэр, воспитатель блестящей плеяды замечательных композиторов: Василенко, Палиашвили, Метнера и многих других, — Сергей Иванович Танеев вошел в историю русской культуры как явление яркое и необычайное. Это был исключительно одаренный и самобытный композитор, тонкий художник-пианист, талантливый дирижер, крупнейший теоретик, чуткий педагог, авторитетный общественный деятель. И если к этому прибавить редкую душевную красоту, бесконечное обаяние, трудолюбие и гуманизм, то портрет Танеева будет почти законченным.

С юных лет и до конца своей жизни Танеев следовал выработанному им самим правилу: «Всякий человек, как бы ни были ограничены его силы, должен способствовать повышению нравственного уровня общества». А честным и преданным служением общественным интересам Танеев признавал лишь такое, при котором человек не забывает, что «прочно только то, что корнями своими гнездится в народе».

Еще в раннем детстве Танеев обнаружил незаурядные музыкальные способности. Это заставило его родителей переехать из Владимира в Москву. Десятилетний мальчик был принят в только что открытую Московскую консерваторию, где на него обратили внимание Н. Г. Рубинштейн и П. И. Чайковский. Они заметили, как быстро развивается музыкальное дарование ученика, и всячески содействовали его творческому росту.

Великолепное исполнительское

мастерство Танеева по достоинству было оценено не только его требовательными наставниками (по окончании консерватории Танееву было присуждено высшее отличие — золотая медаль), но и широкими кругами общественности. Его выступления, как вспоминает М. М. Ипполитов-Иванов, «были праздником для Москвы. Мне часто приходилось аккомпанировать ему с оркестром, и я всегда смотрел на него, как на мирового пианиста». Маститый музыкант отмечал глубокое проникновение исполнителя в идейное содержание бессмертных творений Баха, Моцарта, Бетховена, Шопена, Чайковского и других композиторов.

Когда в сентябре 1875 года девятнадцатилетний Танеев впервые исполнил в Москве первый кон-

церт для фортепиано с оркестром Чайковского, последний писал, что «лучшего исполнения этого сочинения... автор и желать не может». Воз-

можно, что именно это и послужило основой для тесной дружбы, связавшей Чайковского с Танеевым на всю жизнь. В знак глубокого уважения к любимому ученику великий композитор посвятил ему одно из прекрасных своих произведений — симфоническую фантазию «Франческа да Римини».

В двадцать два года Танеев становится профессором Московской консерватории, преемником своего учителя по классам гармонии и инструментовки, а к двадцати пяти годам, — после смерти Н. Г. Рубинштейна, — возглавляет и высший класс фортепианной игры.

Преподавательская деятельность, а затем, с 1885 года, и работа на ответственном посту директора Московской консерватории отнимали у Танеева массу времени и энергии. И только его могучая натура могла стойко выдерживать колоссальное умственное напряжение. В эти годы он усиленно занимается изучением литературы, философии, истории, теории музыки, народного творчества, иностранных языков, народных песен. И вместе с тем он много, упорно и взыскательно работает над собственными сочинениями. Правда, из-за чрезмерной перегруженности многие свои замыслы он не смог осуществить, в частности, оперы «Дантон и Робеспьер», «Эфраим», «Овечий источник» по пьесе Лопе де Вега и «Портрет» по повести Гоголя.

Но из-под пера Танеева вышли произведения, украсившие лучшие страницы русской музыкальной классики: кантата «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» — в честь открытия в Москве памятника Пушкину и «Иоанн Дамаскин» на сюжет А. К. Толстого.

В последнем произведении молодой музыкант показал себя как талантливый выразитель сложных человеческих чувств. Его первая и вторая симфонии, насыщенные звучаниями, близкими к народным песням, исполнялись с немалым успехом, но требовательного автора не удовлетворяли.

Много лет работал Танеев над главным своим произведением — оперой «Орестея». Еще на студенческой скамье увлек его волнующий миф о кровавой драме в семье Атридов. Могучий гений Эсхила вывел в древнегреческой трагедии-трилогии сильные человеческие страсти. Показать их в музыке и поставил себе целью Танеев. Опера «Орестея» с большим успехом прошла на петербургской сцене.

Симфоническое, камерное и фортепианное творчество С. И. Танеева отмечено десятками произведений, соперничающих по художественному совершенству с лучшими образцами мировой классики. В особенности это относится к его четвертой (до-минор) симфонии — единственной, изданной при жизни автора. Классически-строгая, волнующе-мелодичная симфония эта поражает красотой и завершенностью гармонической обработки. Она полна светлого, праздничного настроения. То же можно сказать о превосходном шестом квартете.

Романсовое и хоровое наследие Танеева — это мир удивительно многообразных, то нежно-трогательных, то бурно-ликующих, то страдающих, но почти всегда борющихся образов. В текстах Некрасова, Фета и, в особенности, любимого своего поэта Я. Полонского ищет и находит Танеев волнующие его темы. Такие романсы, как «Бьется сердце беспокойное», «Зимний путь», «Мечты в одиночестве вянут», «В дымке-невидимке», «Что мне она», «Стадактиты», «Менуэт», хоры «Восход солнца», «Посмотри, какая мгла», — показывают автора, как худож-

ника высоких и благородных чувств, свободолюбивых порывов, как борца за правду и справедливость.

Демократические взгляды С. И. Танеева, возмущавшегося политической царской самодержавия, отражались не только в его творчестве, но и в общественной деятельности. Организатор Народной консерватории, где обучались даровитые рабочие московских фабрик и заводов, Танеев бесплатно давал много частных уроков, вносил денежные пожертвования в стачечный фонд московского пролетариата и в пользу бастовавших рабочих и студентов. В напряженные дни революции 1905 года, в знак протеста против бюрократического произвола, Танеев оставил Московскую консерваторию, где благотворно трудился двадцать лет. Но и после этого студенты всегда находили сочувствие и моральную поддержку у своего любимого учителя.

Черная реакция, наступившая после подавления революции, несла с собой глубокий распад искусства. С. И. Танеев одним из первых выступил против растлевающего влияния модернизма. Своим образным протестом передовой части русского общества против контрреволюции и мракобесия явился созданный композитором потрясающий по силе хор «Прометей» на стихи Я. Полонского:

Пусть в борьбе паду я!
Пусть в цепях неволи
Буду я метаться и кричать
от боли, —

Ярче будет скорбный
Образ мой светиться,
С криком дальше будет
Мысль моя носиться.

Непримиримый враг произвола и неутомимый борец за правду, С. И. Танеев ушел из консерватории, но не остался в стороне от музыкальной жизни. Остаток своих дней он целиком посвятил творческому труду, исполнительской и общественно-музыкальной деятельности. Материально не обеспеченный, но гордый и скром-

ный, всемирно признанный композитор настойчиво заканчивал свое крупнейшее теоретическое исследование — «Подвижной контрапункт строгого письма». Это сочинение стало настольной книгой всех композиторов.

Знакомство с такими людьми, как Лев Толстой, Тимирязев, Столетов, дружба с Салтыковым-Щедриным, Успенским, Чеховым, Брюсовым, А. Васнецовым, Левитаном, — показывают, насколько широко были общественные интересы Танеева, как обогащало его общение с цветом русской культуры, науки и искусства. Несомненно, что это оберегало танеевское творчество от губительного воздействия модернизма.

Сильно простудившись на похоронах великого своего ученика — А. Н. Скрябина, Танеев два месяца боролся с мучительным недугом, ускоришим трагическую развязку: 19 июня 1915 года, 58 лет от роду, композитор скончался.

Большой авторитет в вопросах музыки, скромный и отзывчивый человек, С. И. Танеев снискал, по меткому выражению А. К. Глазунова, почетное звание «мирового учителя». Таким знали его современники. Таким знают и советские люди, которые чтят его светлую память.

Советские музыканты не забывают страстного призыва С. И. Танеева: «Заботиться, чтобы дремлющие творческие силы нашего музыкального народа пробились наружу и проявили себя в созданиях, стоящих на уровне... бессмертных народных мелодий».

Иоанн Дамаскин. РЕЙСНЕР,